

Мемуары канареечного охотника.

Память о друзьях и коллегах.

Первая канарейка у меня появилась году так в ... 1957. Это была желтенькая самочка, которую нам продали на птичьем рынке под видом самца. Петь этот самец не хотел. Почитав литературу, я выяснил, что самцы могут не петть при ожирении. И что им надо летать. Почему-то летать в моем детском сознании значило летать на улице. И я, не долго думая, привязал к лапке канарейки нитку и выпустил ее в форточку. Жили мы тогда в коммунальной квартире на втором этаже. Полет канарейки был не слишком долгим. И в конце его случилась встреча с дворовым котом. До сих пор не могу простить себя за гибель птички...

После той безвинно погибшей желтой самки мне довелось держать много разных вольных птах, начиная с синиц, чижей и щеглов, а в конце – более сложных в содержании славок, жаворонков, соловьев, зарянок. Кого-то покупал на Птичьем рынке, кого-то ловил сам и с друзьями. Заготавливал для птиц на зиму муравьиное яйцо, разводил мучных червей, энхитрей и другие живые корма.

Когда в старших классах школы я начал ездить летом в разные экспедиции, коллекция птиц, за которой ухаживали мои родители, несмотря на все мои письменные инструкции, сильно редела. Были, конечно, птицы, которым повезло прожить у меня порядка 10 лет. Помню замечательную долгожительницу - ручную зарянку. Но в целом мой образ жизни не способствовал содержанию дома певчих птиц. После большого многолетнего периода, посвященного путешествиям и экспедициям, я начал работать с лошадьми. Их надолго оставлять было просто невозможно, и я решился вновь завести певчих птиц. Но уже только домашних. А значит – канареек.

В МКЛК я пришел еще во времена СССР и застал конкурсы, собиравшие любителей из многих союзных республик от Средней Азии до Прибалтики.

Развал Союза плохо сказался на отечественном канароводстве. Связи, а главное, возможности старшего поколения, которое всегда составляло основную массу любителей, оказались утраченными.

В силу стечения случайных обстоятельств, иными словами, в результате малопонятных мне тогда клубных интриг (Пигарев решил изгнать Бочкова), я оказался на посту председателя клуба. Должность эта была чисто номинальная. «Начальником» всегда был главный судья судейской коллегии. А председатель занимался организационно-бумажной рутинной.

Мне всегда казалось, что русская канарейка незаслуженно обойдена вниманием чиновников от культуры. И я начал заниматься пиаром русской канарейки. Писал письма в Министерство культуры, в Мэрию, в средства массовой информации. Потратил на эту переписку и запись на приемы немало сил и времени.

Результат какой-то был. Но не совсем тот, что я ожидал. Так на один из конкурсов я пригласил съемочную группу телевизионной программы «Времечко». Была такая в прошлом веке. И представил им известного канаровода из Минска И.Е.Басихеса, который и дал им интервью.

И вот, в 2000 году, меня вдруг отыскала бывшая на том конкурсе от «Времечка» журналистка Катя Еременко. И рассказала, что она учится на режиссера и снимает свой дипломный фильм. В мастерской режиссера Марлена Хуциева. Очень просила помочь ей в съемках. Имя Марлена Хуциева, автора знаменитого «Июльского дождя», не оставило мне выбора.

По сценарию фильм должен был сниматься прямо дома у канароводов. И большинство людей, которых я убеждал участвовать в съемках, отказались. Но пять человек, включая меня, согласились стать «артистами». Один киевлянин – Николай Семенович Процко, один павловчанин Виктор Михайлович Богатырев и трое москвичей. В результате появился фильм «Голоса из России».

На международных конкурсах документальных фильмов он многократно получал главные призы. Катя Еременко оказалась талантливым режиссером. После кино о канарейках она сняла еще много других фильмов. И они также были отмечены наградами.

Что же до роли «Голосов из России» в популяризации русской канарейки, то она была невелика. Хорошего пения в фильме практически не было, звукорежиссура в нем весьма слабая. По сути, фильм красиво рассказал про нищую страну, в которой люди умеют находить радость в своем увлечении канарейками.

«Артистам» (мне не дали!) я выхлопотал гонорар по 500 руб. Сам же, как организатор, получил по договоренности с режиссером 300 евро. Эти деньги я конкретно просил на организацию (призы и награды) декабрьского конкурса. На что их и потратил. Даже не хватило. В то время я покупал в качестве призов музыкальные центры. Которыми можно было обучать молодых самцов.

Об всем этом я чистосердечно рассказал на собрании клуба. В результате я был изгнан из председателей как «растратчик общественных денег». Хотя МКЛК никакого прямого отношения к организации съемок фильма не имел. Причем, из кассы клуба, пополнявшейся взносами и сборами на конкурсах, я за все время своего председательства не взял ни копейки. Бумагу с «финансовым отчетом» храню до сих пор.

Какое все это имеет отношение к канарейкам? Да совершенно никакого! Просто на восьмом десятке лет любые записки начинают приобретать форму мемуаров. Запомнившихся мелочей, несущественных деталей, пустяковых обид и прочих глупостей.

Впрочем, результатом моего расставания с МКЛК в 2003 году стал первый в интернете русскоязычный сайт про канареек RUS-CANARY.RU. А вслед за ним появился на свет и Фонд поддержки русской канарейки. Все, что ни делается, все к лучшему.

С 2005 года ФПРК начал проводить в Москве регулярные Весенние конкурсы пения в Зоомузее МГУ и вступил в МОИП – Московское общество испытателей природы при МГУ, основанное в России еще в 1805 году.

В связи с тем, что я сам занимался только зелеными канарейками, которые в начале века были не в моде среди московских канароводов, мне приходилось по крупницам собирать зеленую кровь по городам и весям. Для этого я встречался с самыми разными людьми. Со многими завязывалась дружба.

Хочу здесь вспомнить тех, кто наиболее крепко врезался в память, оставил о себе сильное впечатление. И которые уже ушли в лучший мир. Некоторые тексты были опубликованы на нашем сайте rus-canary.ru, какие-то написаны совсем недавно.

Николай Алексеевич Веллин.

Николай Алексеевич был сильным и жестким организатором. Именно по его инициативе после войны в Москве был воссоздан Клуб любителей канареек. Также Веллин принимал непосредственное участие в написании первых вариантов оценочной шкалы для конкурсов пения. Своими учителями Николай Алексеевич называл двух московских канароводов:

Илью Игнатьевича Горемыкина и Николая Максимилиановича Каплана.

Н.А.Веллин стал первым учителем для многих ныне живущих (уже весьма почтенного возраста) канароводов.

Среди учеников его первого выпуска были В.Столяров и Н.Зязин. Во втором потоке школы-семинара, что вел Николай Алексеевич, учились В.Бочков и П.Ялыгин. Буду рад, если меня поправят и добавят новые имена те, кто учился у Н.А. Веллина.

В те послевоенные годы, когда начал существовать Клуб, организация и дисциплина были на первом месте. И, поскольку Веллин руководил Клубом твердой рукой (наверняка он имел как любимчиков, так и недругов-завистников), его боялись, уважали и не смели ослушаться. По сути, пиком организационной деятельности Клуба стало Всесоюзное совещание канароводов на ВДНХ в 1983 году, на котором была утверждена единая оценочная шкала для судейства пения кенаров на конкурсах.

Я познакомился с Николаем Алексеевичем, когда был избран председателем Московского клуба. Поддержка ветеранов, сохранение накопленных ими знаний, как мне казалось, должны быть важной составляющей деятельности Клуба.

Это был 2000 или 2001 год, когда я впервые приехал к Веллину. Он жил одиноко и выглядел изможденным стариком. Не без труда я уговорил его поехать на заседание Клуба, куда привозил его потом еще несколько раз. Появление Веллина было встречено старожилками настороженно. Возможно, люди помнили его крутой нрав... Но Н.А. был уже совершенно безобиден: плохо двигался и почти не слышал пение кенаров. Сидел на заседаниях молча и, очевидно, стеснялся своей глухоты и слабости.

Дома у себя он раскрепощался, показывал мне свои начатые, но недоделанные клетки, рукопись книги, которую он еще собирался закончить. Птиц в доме у него не было.

С большим интересом Николай Алексеевич слушал, когда я начинал рассказывать ему о клубных делах, о конкурсах и планах работы. Он считал огромной ошибкой тот факт, что по результатам Совещания на ВДНХ была принята единая оценочная шкала. По мнению Веллина, тем самым, развитие русской канарейки было приостановлено.

С жаром Николай Алексеевич доказывал мне, что в различных городах существуют свои собственные ходы, предпочитаемые колена и песенные строи. Что надо бережно сохранять, а не уничтожать эти различия.

Всюду, говорил Веллин, где есть традиции проведения конкурсов, люди должны оценивать пение по своим собственным оригинальным оценочным шкалам. Только так, по его мнению, должна развиваться песенная канареечная культура.

После скандала в Клубе, инициированного А. Пигаревым для устранения главного судьи В.Ф.Бочкова, нам был нужен новый главный судья, и я советовался с Веллиным, кого избрать. Он рекомендовал В.Столярова. Виктор отказался, тогда Веллин назвал Николая Николаевича Зязина. Только ни в коем случае не Пигарева, говорил Николай Алексеевич. Зязина я уговаривал долго и трудно. Но в итоге он согласился.

Я предлагал Веллину напечатать готовые главы его будущей книги, но он сказал, что должен сначала кое-что закончить. Возможно, просто боялся отдавать единственную рукопись.

К празднику Дня Победы 2002 года я решил сделать Веллину подарок от Клуба и на очередном заседании предложил людям собрать по 50 руб. Удивила реакция И.Мотаева, который сказал: "Веллину? Ни копейки не дам!" Чем уж так Мотаеву досадила Веллин, не знаю. Остались ли еще те, кто в курсе их взаимоотношений?

Впрочем, Мотаев был не единственный, кто не любил Веллина. Кто-то еще мне рассказывал, что судейство на конкурсах, организованное Николаем Алексеевичем, нередко бывало предвзятым и необъективным. Что уж теперь... Оба в лучшем мире.

На 9 мая я приехал к Николаю Алексеевичу с подарками. Он был смущен, но доволен. После праздников я долго не мог дозвониться Веллину. Приезжал, но квартира была заперта. Только через месяц телефон ответил женским голосом. Мне сказали, что Николай Алексеевич скончался 12 мая. Долгие переговоры с родственниками о судьбе его рукописи ни к чему не привели. Сначала говорили, что весь архив вывезли на дачу. Потом - что сарай, где все хранилось, протек, и все бумаги испортились. Короче, от записок Н.А.Веллина я получил ни одного листочка.

Sic transit gloria mundi. Так проходит мирская слава.

Что хочу сказать напоследок. К великому сожалению, большинство стариков уходят подобным образом. Их записи, разводные книги, награды на конкурсах - чаще всего выбрасываются на помойку. Клетки отдаются кому попало, и в лучшем случае попадают на рынок перекупщикам.

Если мы хотим сохранить что-то из своего канареечного хозяйства для потомков, об этом надо беспокоиться еще при жизни.

Валерий Федорович Костюк.

Как-то так сложилось, что когда я после долгого бродяжьего экспедиционно-туристского жизненного периода понял, что без птиц, а точнее канареек, потому что вольных певцов больше не хотел держать дома, мне не обойтись, на моем пути встретился Валерий Федорович. Многие старожилы прежней таганской московской "Птички" его помнят. Худой человек с рюкзачком, он приезжал на рынок не слишком рано и привозил на продажу совсем немного канареек. Не стоял с ними в одном месте, а чаще ходил туда-сюда. При этом обычно на ладони у него заливался зеленый кенар в малюсенькой переноске.

Самцы пели как подорванные. Наука! Валера добавлял им в корм немного тестостерона. Поднимал тем самым уровень гормонального фона. И не петь его самцы просто не могли.

Мы с ним разговорились. Я узнал, что он кандидат биологических наук, диссертация его была по домашним птицам. В то время он уже был разведен, жил один в коммуналке на Тверской, тогда еще улице Горького. В его комнате был страшный беспорядок. На стене - несколько пролетов. Шкаф с самцами. Уйма тараканов.

Костюк был запойным алкоголиком. Поэтому его дружба со Львом Михайловичем Люстровым и моим соседом по дому, который нас и познакомил, чудесным человеком, ветеринаром СанСеичем Чупиным, была неровной. Напившись, Костюк становился несносен, агрессивен и хамоват. При этом трезвый он был умным, обаятельным человеком с прекрасным чувством юмора. Валера, как называл его Люстров, забирал у него выбраковку и лишних самок. Продавал их на Птичке и половину выручки отдавал Люстрову. Впрочем, в те времена Люстров в деньгах не нуждался. Птицы были для него "охотой" для души, но хороших самцов он продавал в Финляндию и получал за них приличные деньги.

Так вот, выпив рюмку, Евгений Федорович давал мне сачок и предлагал ловить в пролетках любых самочек, которые мне понравятся. И у него, и у Люстрова в те времена были почти одни только зеленые канарейки, что меня как раз устраивало, потому что другие расцветки меня не интересовали. Обучал Костюк свой молодежь и старыми самцами, и магнитофоном, но без особого энтузиазма. Он говорил, что его молодые на "бронзу" и так поют, грамот у Валерия Федоровича действительно было множество, а упираться с дрессировкой ради "серебра" ему, по его словам, было неинтересно.

Плохих по песне кенаров Федорыч не держал и не продавал. Всю выбраковку он сбрасывал СанСеичу. Благо тот все равно в песне не разбирался. Точно так же, но уже совершенно другого уровня выбраковку сам Костюк получал от Левы Люстрова. Эти птицы уже пели на «бронзу». Федорыч не преуспел в обучении магнитофоном и учил живыми учителями. Но «бронзу» они все у меня споют, говорил он. А дальше надо столько усилий прикладывать, что ну его к черту.

Как профессионального у алкоголика, у него был свой график употребления. Я в ту пору плохо во всем этом разбирался. И когда узнал, что Федорыч специально ездит на Киевский вокзал, где в известном ему месте покупает дешевую водку, причем одну(!) бутылку, решил его облагодетельствовать. И по своей дурости чуть не отправил Валеру на тот свет.

Короче (любимое словечко Костюка), я подарил ему трехлитровую банку чистого медицинского спирта. Рассуждая, что ему хватит надолго. И Федорыч не будет мотаться на вокзал за своей паленой водкой. В результате Валера каким-то чудом выжил, но пока он не допил всю банку, из дома не выходил.

И СанСеич, и Валера любили вспоминать молодость и с таким восторгом рассказывали мне о совместных рыбалках, о поездках на Ахтубу, что я решил доставить дедам удовольствие и вывезти их на природу.

В один солнечный июньский денек мы залезли втроем в мои старенькие «жигули» и поехали на конюшню. Она располагалась на опушке березовой рощи, а рядом был прудик с карасями. Деды были в полном восторге. Травка, цветочки, солнышко! В общем, достали они поллитровку, немудреную закуску и... Удочки остались не расчехленными. Но друзья вспоминали эту поездку еще много раз с большим удовольствием.

Костюк регулярно выставлял своих кенаров на московских декабрьских конкурсах. И, действительно, как правило, получал бронзовые медали. Их у него дома, вместе с грамотами, было немало. Также он вел и свои родословные книги. Кольцевал своих канареек Федорыч алюминиевыми разъемными кольцами. Как-то он ухитрился их изготавливать, разрезая кольца

для кур.

С домом на Тверской случилась та же история, что и с домом Сеича на Чистых прудах. Квартиру Костюка выкупили, и он переехал на 16-й этаж нового дома в Медведково. В отличие от Сеича, Валера радовался новой светлой квартире. Его канарейкам там было просторно и солнечно. Вид из окна открывался просто замечательный. Алкоголизм его протекал по обычному графику и имел лишь один минус для канареек. Когда Федорыч увлекался, то мог, не проспавшись, забыть поменять корм или воду своим любимцам – самцам в одиночных клетках, стоявших в обучающем шкафу. Помню, как он рассказывал мне со слезами на глазах, что уморил своего лучшего певца, оставив его без воды в жаркий летний день.

Самым большим ударом для Евгения Федоровича стало закрытие Птичьего рынка на Калитниковской. На новый рынок "Садовод", расположенный на МКАДе, по-моему, он так и не успел съездить. Костюк умер от инсульта в своей медведковской квартире. Каким-то образом рыночные барыги всегда первыми узнают, когда умирают канареечники. Только после ухода Костюка я познакомился с его бывшей супругой, совершенно замечательной женщиной, профессиональным музыкантом.

Она позвонила мне, я приехал. Птиц в доме уже не было. Вдова не знала, что делать с большим количеством клеток. Мне они тоже не были особо нужны, но я забрал те, что поместились в машину, заплатил за них какие-то деньги. Также мне достались его тетради с родословными, грамоты. Все те материальные предметы, что остаются после смерти близких людей, внезапно оказываются такими пустяшными и ненужными... По сравнению с той душевной близостью, связывавшей тебя с ушедшим человеком.

Тем не менее, большую пролетную клетку из текстолита и нержавеющей стали, которую по чертежу Валеры делали на заводе, я отмыл. Слегка подреставрировал. Теперь в ней каждую весну становятся на крыло мои молодые зеленые канарейки. И среди них, конечно же, есть потомки птиц Валерия Федоровича.

В моей памяти Евгений Федорович Костюк занимает очень большое место. Храню о нем самые светлые воспоминания и горжусь нашей дружбой. Вот только фотографий пока не могу найти. Хотя точно помню, что снимал их с СанСеичем...

Лев Михайлович Люстров.

Лев Михайлович был не просто консультантом в Фонде поддержки русской канарейки, но и его идейным вдохновителем.

Несмотря на отсутствие высшего образования, Люстров отличался на редкость выдающимися способностями. Это был творец-экспериментатор в любой области, чем бы он не занимался: вопросами обучения канареек, медициной или доработкой автомобильного двигателя.

Одно время Лев Михайлович работал персональным водителем в министерстве культуры.

Общался с интереснейшими людьми, в том числе, с В.И.Бухариным, братом расстрелянного Н.И.Бухарина. <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=page&num=6940>

Младший Бухарин, хоть и был в опальной ссылке, при Хрущеве вернулся в Москву. Очень любил пение канареек, специально приезжал к Люстрову слушать их.

Дружили с Люстровым и многие известные московские канареечные охотники. Тесная связь была у него с Василием Музлановым. Частым гостем в доме Люстрова был Николай Берсенев.

Учеником Льва Михайловича называл себя Николай Алферов. Дружил Лев Михайлович с Иваном Мотаевым, Владимиром Чернышевым. Когда последний был председателем МКЛК, Люстров пролоббировал введение в оценочную шкалу графы "Общее впечатление". Регулярно приезжал и приобретал люстровских зеленых птиц киевлянин В.В.Бабаев.

Меня познакомил со Львом Михайловичем Валерий Федорович Костюк. Люстров сначала отнесся ко мне с недоверием, зная запойный характер Валеры и подумав, что я его собутыльник. Однако позже наша дружба переросла в тесные, практически семейные взаимоотношения. Одиноким Лев Михайлович очень привязался к моим детям, мы часто вместе гуляли вдоль царицынских прудов. Дед рассказывал о своей военной фронтовой молодости, о родителях, о детстве в

Киржаче.

Когда я с семьей уезжал из Москвы, то перевозил Люстрова с его собачкой в мою квартиру, чтобы он мог ухаживать за нашими общими канарейками.

В пении канареек Лев Михайлович ценил больше всего тембр голоса, его чистоту и неторопливость, раскладистость исполнения. В качестве образца любимого хода дед ностальгически вспоминал музлановский - с бубенцовыми раскатами. Хотя записи у него не сохранилось.

Разведением он не занимался, не хотел. Я отвозил ему начинающих ворчать молодых самцов, а иногда и гнезда с самкой и слетками. Дед привязывался к птицам страшно. И даже, когда кто-то из молодых ему не нравился голосом или какой-то грубостью, Люстров жалел с ними расставаться, говорил, мол, подожди, я еще недельку с ним позанимаюсь, авось исправится. Иногда так и происходило.

Времени Лев Михайлович отдавал канарейкам немерено. Мог сам забыть поесть, а птенцам делал мешанки, в которых чего только не было: орехи, яйца, морковь, овсяная мука, проростки и еще много всякого разного. Зерносмесь каждому давал отдельную, в зависимости от их вкусов, степени прорванности и активности.

Учили мы одной и той же песней. Когда я составлял фонограмму, угодить деду бывало просто нереально. Переделывал по десять раз, потом приезжал к нему с компьютером и сидели вместе, шлифуя окончательный вариант.

Когда мои самцы брали песню почти полностью, а у деда еще нет (бывало и такое), я самых лучших тоже отвозил Люстрову. Потому что знал: дед своей выверенной сурепочной диетой не даст самцам заярить и выбросить из песни отдельные колена.

В 2005 году мы организовали свой первый Весенний конкурс в Музее музыкальной культуры имени Глинки. У меня в то время был двухгодовалый самец, которого мы учили с Люстровым по очереди: сначала я, потом, когда самец стал брать фонограмму, отдал его Льву Михайловичу. Потом он вернул его мне. Самец не обладал выдающимися способностями, но был очень спокойным. Песню пропевал без помарок. Только колено весенней синицы «ти-ти-та – ти-ти-та» переделал на свой лад: «ти-ти – ти-ти – ти-ти». Дин дон самец делал через раз. Мог спеть, но мог и пропустить.

В общем, решил я его выставить на конкурс. А Лев Михайлович никогда птиц на конкурс не ставил. И я, ничего ему не сказав, записал самца под именем Люстрова. Самец выступил вполне достойно. Пропел свою песню несколько раз не сбиваясь. И даже не забыл сделать дин дон. Это был первый в истории конкурс, когда пение оценивали сразу несколько жюри: музыканты, орнитологи и канароводы. И так случилось, что наш самец получил максимальную сумму баллов от всех жюри. Вторым с небольшим отрывом оказался самец Юрия Чернецова.

Когда Люстрова объявили победителем и пригласили получать приз, дед был очень доволен. Это событие оказалось для него совершенно неожиданным сюрпризом. Но он в своей обычной сдержанной манере с достоинством вышел и, смущенно улыбаясь, получил награду.

С годами Льву Михайловичу становилось все труднее ухаживать за собой, вести хозяйство. Но без канареек он не мог обходиться.

И даже в больницу отказывался ложиться, пока не вызвал меня и не отдал последнего жившего у него кенара.

С его характером было невозможно убедить деда в необходимости регулярных медицинских

обследований.

Моя договоренность с госпиталем военных ветеранов об его приеме оказалась бесполезной.

В результате Люстрова положили в районную больницу по скорой помощи, когда его состояние здоровья уже стало критичным. Во время моего последнего приезда к нему в больницу он еще оставался в сознании, радовался мне, благодарил за его любимые продукты, даже поговорил по моему телефону со своей соцработницей. А через день мне сообщили об его кончине.

Осталось чувство, что он слишком рано ушел, что в лучших условиях, при квалифицированном уходе дед мог бы еще жить и жить... Наверно, это испытывают почти все, расставаясь с очень близкими людьми.

Лев Михайлович оставил нам очень много. Его «рецепты», размещенные на сайте <http://rus-canary.ru/lyustrov.html>, и сейчас помогают начинающим канареечникам. Для меня общение с Люстровым было чем-то гораздо большим, чем просто уроки мастера или наставника. Лев Михайлович показывал своим примером замечательный образец мудрого терпеливого и доброжелательного отношения и к людям, и к птицам, и к жизни вообще.

Светлая память тебе, дорогой Лева...

Александр Данилович Белов.

Знаменитый электростальский канареечный охотник. Друг И.А.Никонова.

К нему приезжали за птицами из самых разных городов бывшего Союза.

И.Е. Басихес регулярно бывал у Белова. И нередко спрашивал, "нет ли чего поставить", приезжая накануне московского конкурса.

Ивану Мотаеву я самолично отвозил беловских самок по просьбе первого.

Почему-то Белов, как впрочем и Люстров, не любил ставить птиц на конкурс.

Говорил, мол, ничего они там в Москве, не понимают в песне. Но это он так, для красного словца любил подпустить...

Когда Саша узнал, что я собираю "зеленую кровь" по всему СССР, специально вытребовал у своего друга И.К. Белякова из Иваново своих бывших, в то время уже всех розданных зеленых, и навел их вновь специально для меня. Его отличный с полной песней зеленый хохлатый самец уехал с моей помощью в Америку.

Но до его отъезда я получил от него гнездо. Хохлатость и белое перо в хвосте у моих зеленых канареек идут от того самого кенара Александра Даниловича Белова.

Еще он любил говорить, что самые лучшие и сильные зеленые - это не яркие, а сероватые, с "воротничками" птицы. Белов называл свою птицу "высокопородной" и, показывая свои разводные тетради, приговаривал, что все делает по "Эрбах". Я сначала не понимал, о чем это он, но когда Александр Данилович достал потрепанную книжку "Генетика" Шарлотты Ауэрбах, все стало на свои места.

Белов был радиотехником и хорошо умел управляться с магнитофонами. Сам клеил магнитофонные ленты, сам записывал птиц. Его супруга, милейшая женщина, помогала мужу во всем.

На всю жизнь у меня остались в памяти вечера, проведенные у Беловых, их радушие, скатерть-самобранка, выставленные после чаепития на стол самцы и их пение...

Моя первая медаль на московском конкурсе (бронзовая) была получена за песню бело-пестрого самца, которого я купил у Белова. Сильный был самец - все самки были его, когда он делал затяжку на грубой россыпи (фраза "А" по И.Р.Беме). 😊 Правда, я от него не получал потомства. Не хотел портить свою зелень...

Александр Алексеевич Чупин.

С Сан-Сеичем мы просто не могли не познакомиться. Наши балконы выходили в один маленький дворик на углу Большого Харитоньевского и ул. Чаплыгина. Причем, если в нашем доме все балконы смотрели во двор, то в старинном богатом доме Сан Сеича, с фасада увешанном мемориальными табличками, балконы выходили на улицу. И лишь один-единственный, а именно балкон Чупина, выходил во двор.

С этого балкона я и услышал как-то пение канареек. Правда, они были не единственными певцами. Иногда, в особенно хорошем настроении, Сан Сеич выставлял на балкон старый проигрыватель и заводил пластинки с замечательными оперными ариями лучших мировых исполнителей. В прошлом веке такое еще практиковалось.

У Чупина была большая комната с высоченным потолком в коммуналке с коридорной системой. Помимо канареек, у него всегда жили две маленькие черные собачки, пара сиамских кошек, рыбки в аквариуме и, конечно, цветы на подоконнике.

Когда Сан Сеич гулял по Чистым прудам, мимо него трудно было пройти даже незнакомым людям. Во-первых, он всегда улыбался, во-вторых, одет был в какое-нибудь хипстерское тряпье. Не для куража, а по средствам. Две кошки в позе сфинксов сидели на его плечах, и две маленькие черные собачки бегали на длинных самодельных поводках.

Журналисты из расположенного там же, на Чистаках, многогазетного дома регулярно брали у Чупина интервью и делали с ним фотосессии. Некий центральный ТВ-канал даже напросился как-то к Сан Сеичу домой. Предполагаю, что журналисты были несколько обескуражены, потому что дома у Чупина был полный бардак.

Собственно, это был, конечно, не бардак, а творческий беспорядок в домашнем музее имени А.А.Чупина. Немалую часть комнаты занимали книги. Сеич был ветеринар, кандидат наук. Так что библиотека состояла не только из художественной литературы. Много места занимала фонотека с пластинками. Но наибольшее место было отдано различным сувенирам, собранным в результате долгих путешествий по родной стране.

Гуляя с собачками и кошками по развалинам старых домов в Б.Харитоньевском (где останавливался еще А.С.Пушкин во время своих приездов в Москву), Чупин собрал и смастерил замечательную «звонницу» из старинных разнокалиберных кованых гвоздей. Так же Сан Сеич любил ремонтировать старые часы, коих у него было множество. Настольные часы моих родителей Сеич аккуратно разобрал, почистил и вернул мне в работающем виде. С тех пор прошло, наверно, больше 20 лет. Часы исправно ходят.

А что же канарейки? Их у Сан Сеича всегда было не менее десяти. Чупин не вникал в тонкости канареечной песни. Он просто любил, когда они все пели хором. Что регулярно и происходило во время прослушивания арий из опер. Канареек Чупину отдавал его ближайший друг и попутчик в путешествиях Валерий Федорович Костюк. О нем будет отдельный очерк.

В конце прошлого века коммуналки, особенно в хороших старых домах, подвергались выкупу и расселению. Для Чупина эта необходимость оказалось страшным ударом. Чистые пруды был его район. Где он знал всех и все знали его.

Дед расстроился настолько, что всерьез обсуждал со мной письмо к мэру Лужкову. В котором просил похоронить его вместе со всем скарбом в одну большую яму. Чтобы будущие археологи когда-нибудь выкопали все это хозяйство и поняли, что составляло смысл жизни людей нашего времени.

Долго ли - коротко ли, но все вещи Сан Сеича оказались упакованными в множество картонных коробок. И вместе с хозяином их отвезли в новый красивый дом в Марьино. Взамен комнаты в коммуналке Чупин получил трехкомнатную просторную квартиру на окраине Москвы. Был ли он счастлив? Конечно, нет!

Дед лишился всей своей родной инфраструктуры. Вместо милого его сердцу центра, с узкими переулками и бульварами, он оказался среди широченных площадей и проспектов, где не встретишь ни одного знакомого лица. Чупин начал ездить на свою «историческую родину». Частенько заходил ко мне в гости. Звал к себе. Я как-то выбрался. Большая часть коробок стояла

не распакованной.

В общем, переезд морально подкосил Сан Сеича. И через несколько лет он тихо угас. Стариков нельзя кантовать. Они плохо переносят перемены...

На память от Чупина у меня осталась подаренная им редкая дореволюционная книжка «Голландская канарейка» В.Н.Гончарова. В красном переплете, который Сан Сеич сделал своими руками. И родительские часы. Что вполне исправно тикают.

Николай Иванович Булыгин.

Булыгина я застал в московском клубе уже на излете его жизни.

Он выделялся среди других канареечных старожилков большим носом картошкой, громким голосом и открытой искренней манерой общения.

Когда я притащил в клуб пестрого самца, приобретенного у Саши Белова в Электростали, Булыгин его прослушал и сходу выдал шутку. Самец-то хороший, но к нему надо же еще специальный туалет в доме! Я сначала не понял, причем тут какой-то туалет? А Николай Иванович усмехнулся: а куда же его еще ставить с таким «милицейским свистком»?

Булыгин был самым востребованным московским судьей. Его приглашали на конкурсы во все города.

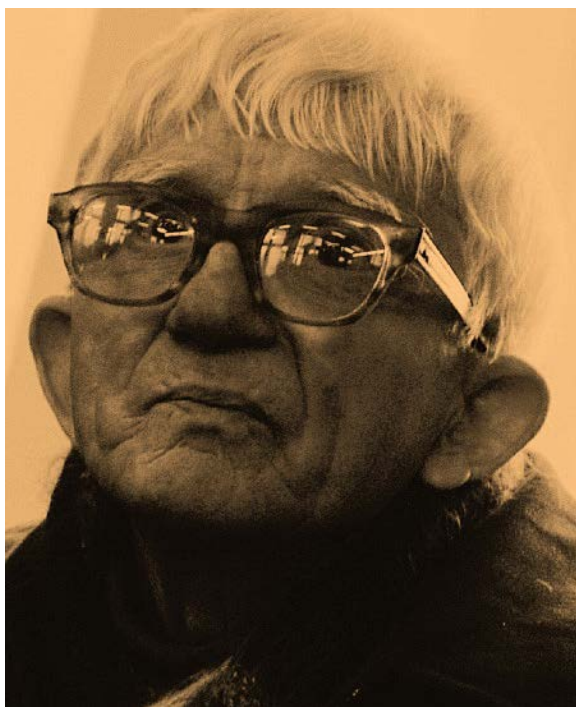
Его мнению и слуху безоговорочно доверяли.

Он был близко знаком слевой Люстровым. И однажды на московском декабрьском конкурсе, напившись, прямо в людном тесном коридоре Булыгин встал перед ним на колени. Люстров был смущен, раздосадован, принялся поднимать пьяного Николая.

Поскольку Люстров бывал не на всех конкурсах, и Булыгин давно его не видел, то в подпитии он не смог сдержать своих чувств.

Насколько понимаю, Булыгин не принимал участия в разных клубных разборках и скандалах.

Допускаю, что знаю не все, тем более, что общался с ним не так уж долго, но Николай Иванович запомнился мне веселым открытым добрым человеком.

Я познакомился с ним в конце прошлого века. Хабаров жил один, дочь из Америки наезжала нечасто.

Было у него немного птиц. 4-5 самцов в клетках, накрытых белой кисеей. Не помню, по какой причине я к нему приехал, но больше всего меня восхитила клетка, стоящая на шкафу...

Я таких клеток раньше никогда не видел: это был целый замок с башенками и окошками. Красоты неопишущей!

Фотоаппарата у меня с собой не оказалось, и я стал уговаривать Анатолия Петровича сделать (клетка была его работы) нечто подобное для Музея русской канарейки. Он смутился, начал было отнекиваться, я же убеждал его, что мы прикрутим табличку, мол, клетка работы мастера Хабарова.

Тогда он сказал, ладно, если для Музея, я тебе эту клетку так подарю.

Вспомнил, зачем приезжал... Мне понадобился человек, обучающий канареек игре на дудочке. В Москве таких практически уже не было. Это в Павлове каждый второй умеет дудеть, а везти человека из Павлово для съемки в программе ТВ "В мире животных" к Н.Н.Дроздову получалось далеко. Да и денег телевизионщики не платили.

Анатолий Петрович ехать в Останкино отказался. Надо сказать, что этот маленький худенький человек прошел всю Великую отечественную войну, имел множество орденов и медалей и обладал строгими жизненными принципами.

В его двухкомнатной квартирке была идеальная чистота.

Хабаров был мастер на все руки. Помимо клеток, он делал из дерева лодочки, фигурки, резал посуду из липы. Одну такую лодочку я у него выпросил, уж очень приятная была на ощупь, да и по форме.

С клеткой произошла смешная история. Приехала дочь из Америки и запретила отцу отдавать уникальную клетку.

Наверно, правильно сделала, поскольку решила, что произведение столярного искусства должно остаться в семье.

Но Анатолий Петрович, помня свое обещание, сделал-таки и привез мне на один из конкурсов клетку своей работы.

Хорошую, добротную, буковую, в шип и с двумя дверцами. Скорее, разводную по размеру. Но,

конечно, это был не тот уникальный "зАмок", что поразил мое воображение.

О птицах. Анатолий Петрович был всегда немногословен, не рассказывал много о себе. Все из него приходилось "вытягивать". Оказалось, он был лично хорошо знаком со многими павловскими охотниками. В том числе, со знаменитым Горшковым, который возил канареек Николаю II и получил от него в благодарность икону божьей матери.

Когда мы общались, у него были белые и белясье канарейки. Насколько понимаю, учил молодых он дудкой и живыми учителями. Технику не использовал. Поняв, что я сам давно держу и развожу канареек, Анатолий Петрович вдруг предложил мне дать в паровку белого самца. Я начал отнекиваться, поскольку всегда водил только зеленых.

Но Хабаров проявлял настойчивость, и мне было проще согласиться, чтобы не обижать старика. Этот самец пел небольшую, колен в 7-8, песенку, но приятным глубоким голосом. Дудка отчетливо была слышна.

Дома мне приходилось держать его отдельно, поскольку не хотел сбивать с толку своих, поющих другим ходом, зеленых. Недели через две Хабаров позвонил и стал спрашивать, что самец, в порядке ли, и когда я его верну. Голос у него был обеспокоенный. У меня сложилось впечатление, что деду наговорили про меня что-то "хорошее".

Я его успокоил, сказал, что верну самца хоть завтра. И отвез его на следующий же день.

Анатолий Петрович внимательно просмотрел его, продул, и когда самец был пересажен из переноски в клетку, то тут же запел. Хабаров сразу успокоился и повеселел.

Мои попытки уговорить деда взять зеленых на развод он отверг. Сказал, что не хочет разводить уже никаких, мол, некогда, да и здоровье не то. Также Анатолий Петрович посетовал, что по старой привычке многие канароводы со всего СССР звонят, просят у него птиц. А он уже давно не водит и продавать нечего.

Интересно рассказывал о продаже. Мол, пускал к себе далеко не всех, и цену никогда не назначал. Дескать, понимающие люди могут и сами дать сколько надо. Вспоминал какого-то любителя, который оказался таким же упертым, как и сам хозяин, и предлагал толстый бумажник с тем, чтобы Хабаров сам взял, сколько считает нужным.

Были у Хабарова и недоброжелатели. Что свидетельствует лишь о его разборчивости в людях и черной зависти тех, кто не найдя с А.П. общего языка, предпочитали говорить за его спиной гадости.

Как бывает у многих одиноких стариков, а уезжать из России к дочери в США он отказался категорично, у Хабарова случились проблемы со здоровьем. Он жаловался мне на кишечник. Но, насколько понимаю, врачей боялся, запустил себя и попал в больницу уже по скорой помощи, когда было поздно лечиться.

Об Анатолии Петровиче Хабарове у меня сохранились самые теплые и добрые воспоминания. Душевный, глубоко порядочный и красивый был человек. Светлая ему память...

Иван Филиппович Мотаев.

Иван Мотаев в конце прошлого века был абсолютным чемпионом по количеству наград, полученных за пение его кенаров на всесоюзных московских конкурсах.

Подробности я услышал от Л.М.Люстрова. Они нередко общались по своим канареечным делам. Сближало их и то, что оба были по профессии шоферами. Только Мотаев - таксистом, а Люстров - дальнобойщиком.

Иван Филиппович никогда не участвовал в судействе и клубных разборках. Но, имея возможность подвезти людей на рынок, на конкурс-с-конкурса, приятельствовал со многими. Знаю не понаслышке, что он регулярно брал птиц у Люстрова, Белова, Шохина, других известных канароводов. В период обучения магнитофонами Мотаев тесно общался с Леонидом Кулаковым, который по праву считался лучшим составителем фонограмм (в те времена вручную клеили-монтировали магнитофонные ленты).

Ко всему прочему, Мотаев и сам обладал прекрасным музыкальным слухом и был замечательным дрессировщиком своих кенаров. Что он, естественно, не рекламировал.

Помню, дома он сначала завел мне магнитофон, а затем вытащил из шкафа клетку с самцом. Который спел фонограмму один-в-один с магнитофоном, включая щелчки на стыках-склеяках. В конце песни Иван Филиппович резко взмахнул рукой и кенар замолчал. На мой вопрос, зачем он так сделал, Мотаев ответил, мол, иначе пойдет петь опять с начала.

То, что он умел "отбивать" грубости в песне, не подлежит никакому сомнению. Про Мотаева рассказывали, что один из его кенаров, пропев на конкурсе всю песню, будучи вынесенным из зала прослушивания в коридор, громко «зачавкал». И хозяин позорно бежал с ним.

Итак, если анализировать причины успеха мотаевских птиц на московских конкурсах, то на первое место я бы поставил слух, знание и понимание песни Иваном Филипповичем.

На втором месте - его способность обучать и дрессировать своих кенаров.

На третьем - умение контактировать с нужными людьми, чьи птицы по своей селекции были наиболее способными к усвоению нужной песни.

Кстати, Мотаев всегда дружил с А.Пигаревым (иногда выставлявшим на конкурсах самцов, обученных Мотаевым), который имел в московском клубе значительный вес. И накануне конкурсов Иван Филиппович любил приносить кенаров в клуб. Судьи получали возможность заранее услышать песню будущего конкурсанта, тем самым, сохранить ее в памяти. Не правда ли, весьма правильная предконкурсная подготовка? "Не имей сто рублей, а имей сто друзей!" Другими словами, связи решают если не все, то многое.

Виктор Михайлович Богатырев.

Богатырев был "закрытым другом" Сергея Угарова. На дух не переносили они друг друга. Что весьма типично для канареечников.

Познакомился с Богатыревым я через Л.М.Люстрова. Когда организовывал съемку фильма "Голоса из России" режиссера Екатерины Еременко. Люстров назвал его имя и...съемочная группа поехала в Павлово. Отсняли эпизоды у него дома, во дворе, с канарейками. Угаров меня позже ругал: почему не ко мне отправил киношников?

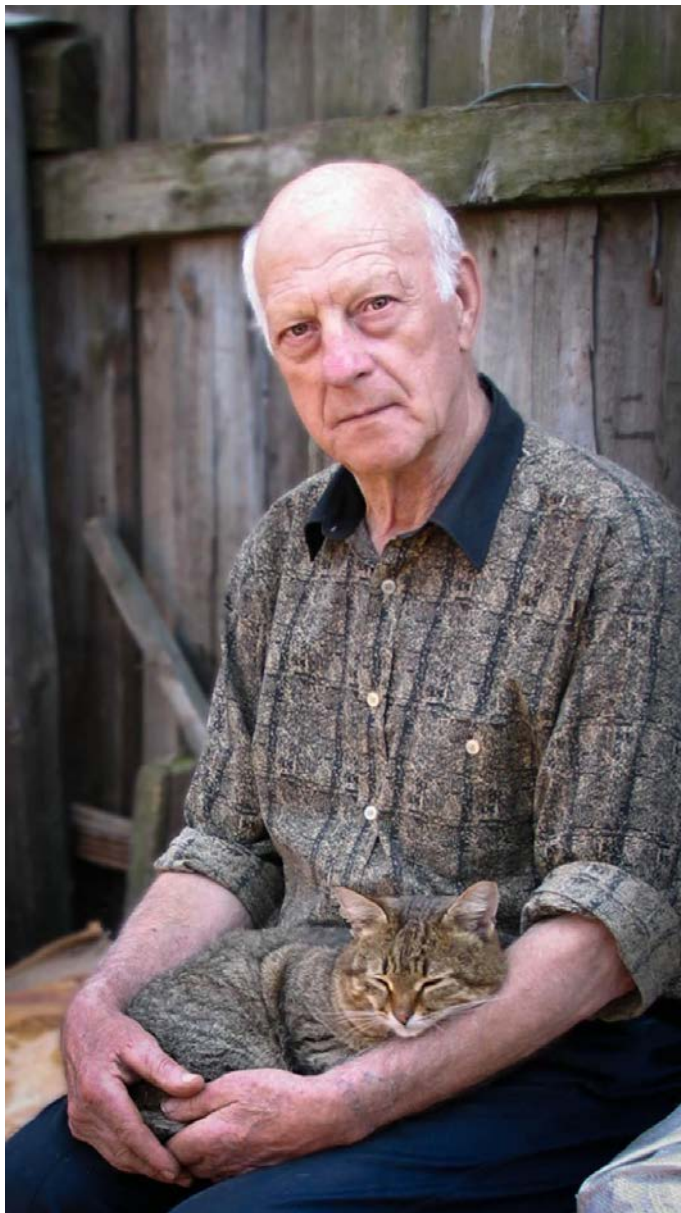
У Богатырева в доме было много разных птиц. Не только канарейки. И он приторговывал ими на павловском рынке. Насколько понимаю, без особого успеха. Сам он был таксист в прошлом. Как и Иван Мотаев. С гордостью показывал старую зеленую БМВ в своем гараже. В павловском клубе Богатырева не любили. Он доказывал, что надо учить птиц московскому ходу. Перенимать современные песни и судить по московской шкале. А старые павловчане ему отвечали, что Москва нам не указ. Как учили наши деды, так и мы будем. В общем, вносил Богатырев раздор в собрания.

Когда, уже после съемки фильма, я сам приехал в Павлово и лично познакомился с Раей и Виктором, они оказались очень доброжелательными и гостеприимными людьми. Подарили мне для ФПРК старинную клетку работы павловского мастера. Детей у них с женой Раей, насколько знаю, не было. И занимались они вдвоем только птицами. Впрочем, у Раи еще была коза, дававшая очень вкусное молоко, кролики и покосившаяся от времени пустая голубятня. Показали все свое хозяйство. Надо признать, не очень-то богатое и ухоженное. Но кенары у них были с хорошей песней.

Виктор любил приезжать в Москву и напрашивался судить. В конце концов ему присвоили звание судьи третьей категории, чем он в Павлово очень гордился. Но для павловчан московские звания не имели силы и не добавили ему никакого престижа.

Как-то в декабре, когда мы приехали на павловский конкурс вместе с А.Разуваевым, я договорился о встрече со старейшим павловским канароводом, бывшим председателем клуба, у которого, как мне сказали, сохранилась рукопись книги об истории павловской канарейки. Но прямо во время конкурса прибежала вся в слезах Рая и сообщила, что Виктор ночью скончался. Плача, она очень просила нас помочь с птицами. Одной ей было тяжело разобраться с большим хозяйством. И нам с Разуваевым пришлось забирать большую часть богатыревских канареек в Москву на реализацию. Так моя встреча со старым председателем сорвалась. А вскоре и его тоже не стало. Поиски рукописи зашли в тупик.

Сергей Иванович Угаров.

Сергей Иванович со своей супругой Александрой Ивановной стали для нашей семьи самыми близкими людьми в Павлово-на-Оке. Их радушие, гостеприимство, душевная теплота были поистине безграничными.

После их ухода мне стало трудно приезжать в Павлово, зная, что их там уже нет.

Из всех моих друзей и знакомых канароводов Сергей Иванович был, пожалуй, самым крепким профессионалом. Он конкретно показывал части своего дома и объяснял: вот это куплено и сделано на деньги от продажи канареек.

У Угарова я впервые увидел кенарню на чердаке дома. Он увлеченно и прямодушно рассказывал о своих приемах селекции и обучения. Двух своих сыновей Володю и Валеру сделал помощниками в канареечном бизнесе, а Володя к тому же стал судьей.

Из-за успешности угаровского канареечного бизнеса у Сергея Ивановича было много завистников и недоброжелателей. Поскольку во времена его расцвета обучали в основном живыми учителями и дудками, за хорошими птицами шла настоящая охота.

Даже одно красивое колено вызывало желание заиметь этого кенара. В рассказах Угарова часто встречалось слово «выхватить». Он не жалел сил, времени и денег для получения желаемого певца. За что его и не любили.

Покупатели «угаровской крови» наезжали в Павлово со всех городов России. Выбраковку реализовывал в Нижнем Новгороде. В старости Сергей Иванович все больше стал отдавать бразды правления сыновьям. Птицы разведения Угаровых на большинстве павловских конкурсах не остаются без наград. Семейная традиция продолжается. О Сергее Угарове нашим Фондом поддержки русской канарейки снят фильм. Его можно посмотреть в ютьюбе.

Юрий Сергеевич Блистанов.

С Юрием Сергеевичем мы познакомились и общались в основном по телефону. Ко мне он приехал домой лишь один раз. Когда у меня гостили Угаровы. Блистанов купил у Сергея Ивановича двух самцов.

Юрий Сергеевич вполне соответствовал своей фамилии. Все, что он знал, делал и вспоминал, имело всегда превосходную степень. Он был фронтовик, врач-хирург, скрипач, на дуде игрец – не было темы, которую мы затрагивали в долгих разговорах (меньше часа никогда не получалось), и в которой Блистанов бы не разобрался. Причем, досконально.

Он знал практически всех известных канареечников всего СССР. Включая тех, кто держал роллеров. В пении которых Ю.С. тоже великолепно разобрался и мог сыграть песню на своих замечательных дудочках. Он называл их по-старинному: «сопилки». Причем, у него были не только обычные металлические дудочки, но и деревянные. «Овсянку», полную песню, он дудел вообще виртуозно.

Когда на конкурсе в музее им. Тимирязева, куда я пригласил Николая Семеновича Проща, мне удалось соединить этих двух музыкантов по телефону, они тут же устроили соревнование, кто лучше сыграет песню на дудочке. Заводной Блистанов был человек. Как-то заговорили про вино. Ю.С. прочел мне лекцию. А мне в то время попало по случаю какое-то очень приличное вино. И я решил отправить его Ю.С. Встретился где-то в городе с его зятем, который потом и передал ему это вино.

Блистанову вино, наверно, понравилось. И он решил меня отблагодарить. Настойчиво стал убеждать меня взять пару его самок. И как я не отнекивался, мол, держу только зеленых, не нужны мне желтые, спорить с ним было невозможно. Через того же зятя я получил пару крупных желтых самок.

Кроме канареек, Ю.С. держал голубей. Голубятня была на чердаке его загородного дома. Куда я попал, увы, лишь после смерти Блистанова. Он был очень подозрителен, жил после смерти

супруги один со своим кобелем кавказцем. И, кроме дочери и зятя, похоже вообще никого не принимал.

Среди голубей нередко встречается болезнь Ньюкасла. В просторечии «вертячка». Насколько понимаю, у канареек Блистанова имелся иммунитет к ней. Потому что его самки были с виду совершенно здоровыми, и ничего плохого не передали моим зеленым. Но...у моих птенцов после нахождения блистановских самок в общем вольере в возрасте 3-4 месяцев признаки вертячки стали проявляться. Иногда птенец погибал, иногда выправлялся. Лев Михайлович Люстров, отдававший всю душу воспитанию и обучению молодых кенаров, которых я отвозил ему (делил пополам выводки: половину деду, половину себе), переживал страшно. Реально плакал, когда внезапно и беспричинно погибал молодой самец, в ворчании которого уже прослушивались отдельные колена взятые с обучающей фонограммы.

Эта беда продолжалась лишь один год. Никаких других новых контактов мои канарейки ни с кем не имели. Так что, грешу только на этих самок. С тех пор прошло много лет. Ни одного случая вертячки или какого-нибудь другого заболевания в моем хозяйстве не наблюдалось. Но любую новую птицу, а пара-тройка чужих зеленых самцов-производителей у меня появлялись, я выдерживаю в карантине и тщательно проверяю.

Рассказчик Блистанов был просто великолепный. Если кто помнит выступавшего во времена СССР с устными рассказами Ираклия Андроникова, то Юрий Сергеевич ему не уступал. Живя одиноко и безвыездно в своей Салтыковке, он несомненно скучал по общению. Поэтому разговоры с ним и затягивались на час и дольше. Но все мои приглашения на конкурсы, предложения приехать к нему с видеокамерой Ю.С. отвергал.

С возрастом он уже не мог ухаживать за голубями. Лазить на чердак ему стало не под силу. И расставание с ними он переживал очень тяжело. Потом Блистанов перестал разводить канареек, похоронил своего кавказца. А затем мне позвонил Витя Столяров и сообщил о кончине Юрия Сергеевича.

Мы с А. Разуваевым приехали в его опустевший дом. Наследники распродавали канареечное хозяйство. Возможно, лучшие шкафы, а Блистанов в своей превосходной манере рассказывал об уникальных сделанных на заказ из орехового дерева обучающих шкафах, уже были проданы. То, что мы увидели, было далеко не в самом лучшем виде. Дом и все его убранство были сильно запущены. Одиночество и болезни наложили свой отпечаток на быт Юрия Сергеевича. Исключительно из уважения и в память о Блистанове я купил маленький обучающий шкаф на четыре клетки. Толком отмыть дома мне его так и не удалось: он был насквозь пропитан дезинфекцией. И стойкий запах был так силен, что шкаф пришлось выставить на балкон.

Больше всего жалею, что не сумел сделать ни видео, ни звукозаписей интереснейших бесед с Юрием Сергеевичем. Его несравненной игры на дудочках...

Николай Семенович Процко

С Николаем Семеновичем мы познакомились во время декабрьского конкурса, который проводился в Доме чаепромышленников Высоцких — (Москва, переулок Огородная Слобода, 6) построенный в 1900 году по проекту архитектора Р. И. Клейна, автора и строителя Музея имени Пушкина. Я выбрал это особняк за огромный концертный зал с вполне приличной акустикой. На мою беду ударили морозы и в особняке, в котором раньше было общество старых большевиков, а во время конкурса - Дворец пионеров, лопнули трубы отопления. В зале было холодно. Птицы пели плохо. Конкурс был затеян двухдневный, с тем, чтобы во второй день устроить аукцион для желающих купить кенаров. Затея, кстати, благополучно провалилась: покупатели обошлись без аукциона и на второй день народу почти не было.

Но в первый день было многолюдно, шумно, удалось пригласить буфет с закусками и чаем, а алкоголь канареечники всегда не забывают свой. Процко подошел ко мне в фойе в перерыве, и мы быстро разговорились на канареечные темы. Выяснилось, что у нас много общего. Он активно занимался популяризацией канареек в Киеве, я – в Москве. Николай Семенович щедро поделился со мной копиями своих статей и заметок в журналах и газетах.

Процко работал преподавателем в музыкальной школе по классу баяна. Обладал прекрасным слухом. Когда я пригласил его к себе домой, и он увидел старенький баян, на котором упражнялись в то время мои сыновья, Николай Семенович устроил нам поистине потрясающий концерт. Мне и в голову не могло прийти, что старый взятый в аренду в музыкальной школе инструмент способен производить такую изумительную музыку в руках мастера.

Короче, мы с Процко подружились. И с тех пор я старался приглашать его на все наши весенние конкурсы ФПРК. Николай Семенович был «человек-оркестр». Он мог увлеченно часами рассказывать о канарейках. Свистеть на дудочке любые мелодии. Собирать вокруг себя толпу слушателей. Притягивать к себе столько внимания, что один наш заслуженный судья даже сказал мне: если ты хочешь, чтобы я судил на твоих конкурсах, то его в качестве судьи не приглашай.

Когда надо было найти канароводов для съемки фильма, я, зная актерское дарование Процка, позвонил ему чуть ли не первому. И конечно же он согласился. Теперь мелодию «Снова цветут каштаны», которую выучили его канарейки, знают канареечники во всем мире.

Приезжая в Москву, Николай Семенович всегда привозил какой-то вкусный украинский гостинец. Обычно - домашнее сало и какую-нибудь особенную горилку. Которую мы с ним после конкурса на кухне и дегустировали.

На очередной конкурс я очень ждал Процка. У нас были какие-то проблемы с судейством, и я надеялся на его помощь. Но мне позвонили из его дома и сказали, что «папа попал в больницу». Он ушел как-то внезапно. Неожиданно. В Николае Семеновиче было столько темперамента, жизни, юмора, что в его уход даже не верилось. Светлый человек был Процко и оставил о себе прекрасную память.

Лев Николаевич Ярин.

Участники Московских декабрьских конкурсов конца прошлого века должны помнить невысокого коренастого пожилого человека на костылях. Он старался не пропускать ни одного конкурса. Как-то мы с ним разговорились, и Ярин рассказал мне, что в его родном Балашове есть канароводы, которые держат зеленую птицу. И поскольку я собирал «зелень» везде и отовсюду, то очень заинтересовался. Слово за слово, и Лев Николаевич пригласил меня в гости.

Выбрав время, я приехал к нему. Семья Яриных жила в небольшом доме. Второй этаж был отдан канарейкам. Там стоял огромный обучающий шкаф с динамиками в каждом отделении. Птиц у Льва Николаевича было в то время не меньше сотни. Ухаживать за таким большим хозяйством было непросто. Особенно человеку на костылях. Но Ярину помогал сын. Он же возил его на конкурсы.

Мы объездили с Яриным всех канареечников Балашова. Приличных зеленых самцов я не увидел и не услышал. Но самку какую-то прикупил. В качестве эксперимента. Самка оказалась уникальной: она несла по шесть яиц и садилась в гнездо только по снесении последнего. Птенцы вылуплялись одновременно и отлично выкармливались заботливой мамашей. Правда, из них не получилось ни одного достойного певца, но это уже другая тема.

На следующее лето Лев Николаевич опять пригласил меня в гости. Со всей семьей. Сам он был уже слаб. Сын поднимал его на второй этаж и подавал ему клетки. Ярин чистил их, сидя в кресле. Меня Ярин попросил отобрать ворчащих молодых самцов для рассадки в обучающий шкаф. Мы долго говорили о канарейках, о сложностях их обучения. Кстати, с московских конкурсов Лев Николаевич практически всегда привозил какие-нибудь награды: медали, дипломы, грамоты.

Меня с женой и детьми Ярин определил в дом отдыха комбината, где работал его сын. Этот летний лагерь располагался на живописном берегу Хопра – небольшой чистой речки. Мы там провели прекрасные две недели. Купание, полеты на тарзанке, рыбалка и парное молоко от коровы сторожей лагеря, милой пожилой семейной пары, были нам всем очень по душе.

На следующий год Ярин не приехал на конкурс. В телефонном разговоре сын сообщил мне о его кончине. Что стало с канареечным хозяйством Льва Николаевича я не спрашивал...

Иван Яковлевич Бондаренко

Клетки работы Бондаренко меня восхищали давно. Но познакомиться с мастером удалось лишь в начале двухтысячных годов. Иван Яковлевич знал себе цену. Не всем подряд продавал свои изделия, никогда не торговался, объявляя стоимость клетки.

Птиц он водил до самой смерти. Причем, из-за глухоты многое в песне уже не слышал. Учил фонограммой и просил иногда описать, что взяли молодые самцы, а что нет. Иван Яковлевич любил, как многие старики, рассказывать одно и то же. В частности, как приезжал к нему Н.А.Веллин, слушал его самцов и долго тряс руку в знак уважения.

Бондаренко прожил долгую жизнь. Воевал во Вторую Мировую, имел множество орденов и медалей. Клетки делал не для заработка. Он жил вдвоем с дочерью, имел приличную пенсию и ни в чем не нуждался. Просто руки его не могли обходиться без работы. Такой уж был он человек. Со временем я всех своих зеленых самцов переселил в клетки работы Ивана Яковлевича. Для меня он делал трехдверные клетки. Так я просил. Ругался, что отходит от своего «стандарта», но делал.

Я помогал ему иногда чем мог. Купить дефицитную проволоку, нержавейку для поддонов и кормушек, сделать фонограмму. Регулярно отправлял к нему покупателей. Птиц он водил немного. Выращивал и обучал не более 10 самцов в год.

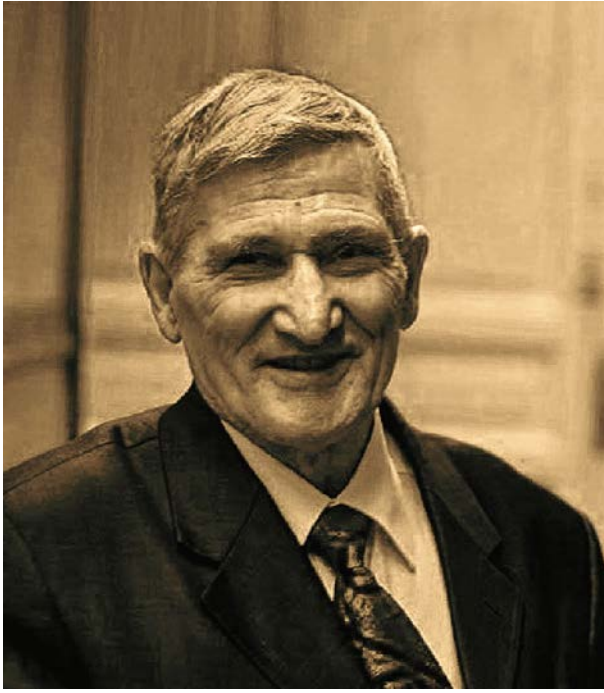
Клетки Бондаренко собирал из бука, дуба и клена. Кормушки и поддоны - только из пищевой нержавейки. Его собственные клетки были сделаны из красного дерева. Иван Яковлевич не признавал украшений. Никакой резьбы, рисунков, ничего, кроме полировки, олифы и двойного слоя светлого лака на дерево не наносилось. Но качество его клеток, всегда собранных «в шип», было таким, что сломать их – надо очень постараться. Короче, клетки Бондаренко – это был бренд. За ними приезжали из разных городов, заказывали задолго и ждали, пока мастер сделает.

В последнем изданном ФПРК фильме «Музыка русской канарейки» есть видео выступления Ивана Яковлевича. В свое время мы с моим партнером А.Разуваевым регулярно устраивали встречи и круглые столы с канароводами. Обязательно приглашали всех стариков. Привозили тех, кто уже

сам не мог приехать. Во время одной такой встречи на Московском комбинате шампанских вин и случилась первая и последняя видеозапись Бондаренко. Впоследствии я не раз звал деда на конкурсы, обещал ему машину от подъезда до подъезда. Но он всегда отказывался.

Не знаю, кому достались личные бондаренковские клетки после его смерти. Но много канареечников Москвы (и не только!) держит своих птиц в клетках его работы. А качество их такое, что хватит и на внуков. Отличное качество!

Игорь Анатольевич Никонов

Про Игоря мне писать труднее всего. Он был очень незаурядный человек с огромным потенциалом. Который не был до конца реализован.

Вместе со своим другом Александром Даниловичем Беловым Никонов поднял канареечную планку подмосковной Электростали на всероссийский уровень. За их птицами приезжали из Украины (Бабаев и другие), из Беларуси (Илья Басихес). Иван Мотаев, чемпион по числу золотых медалей на московских декабрьских конкурсах, приобретал птиц в Электростали.

Игорь Анатольевич был творческим, увлекающимся человеком. Спортсмен-лыжник, он участвовал в соревнованиях даже в пенсионном возрасте. Но главная заслуга Никонова в том, что он стал единственным среди отечественных канароводов, кто понимал необходимость научного подхода к селекции певчих канареек. Во второй половине прошлого века в журнале «Птицеводство» регулярно появлялись статьи Игоря о канарейках, их селекции и оценке пения.

Чем не владел Никонов, так это - ораторским искусством. Поэтому, когда на собраниях московских канареечников он начинал рассуждать об инбридинге, схемах разведения, своем опыте селекции птиц с красивым Дин-Доном, его плохо слушали, перебивали и просили говорить короче.

Однажды, когда Игорь был у меня в гостях, я подарил ему подборку журналов по коневодству. Никонов любил бывать на ипподроме и иногда делал маленькие ставки в тотализаторе. Простудировав журналы, Никонов изучил родословные многих лошадей – ипподромных чемпионов - и начал выигрывать в тотализаторе! Его практический системно-научный подход начал приносить плоды.

Игорь был очень открытым и доверчивым человеком. Он всегда был рад поделиться (со всеми на свете!) своими знаниями. Его доверчивостью пользовались разные люди. В том числе, непорядочные. Иногда Игорь возвращался в свою Электросталь после московских встреч, где не обходилось без алкоголя. К которому Никонов был неравнодушен. В результате мог заснуть в электричке, где и бывал обворован.

За пару лет до своего ухода Игорь оставил свой канареечный рукописный архив мне на сохранение. Его обработка ждет своих волонтеров. Оцифровка рукописей, многие из которых написаны неразборчивым почерком, - большой труд.

Не знаю, что Игорь написал в завещании. Да и составлял ли он его. Но вскоре после его ухода ко мне в Москву приехал сын. И привез мне два больших ящика. В них были клетки с кенарами. «Этих двух самцов отец просил никому, кроме вас, не отдавать.» Такие слова я услышал от сына Игоря Никонова. Светлая память, тебе, дорогой Игорь!